
**РЕАЛЬНАЯ ОПОРА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ:
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ
В 1917–1920 ГОДАХ
на материалах Центрального Промышленного
района)**

А. Н. Фёдоров

Для автора статьи исследовательский интерес представляет та реальность советского общества, в которую погрузился «маленький человек», обычный горожанин. Период революции и гражданской войны характеризовался масштабной убылью населения, распадом традиционной социальной структуры, экстремализацией условий жизни, пересмотром отношений собственности, изменением образа жизни. Речь идет о деформации «социальной ткани» российского общества. Опираясь на литературу и малоизвестные архивные источники, автор приходит к выводу о том, что незавершенность процессов модернизации и урбанизации была главной причиной этих негативных социальных сдвигов, а смена политической власти в 1917 году стала вполне закономерным событием. Дефицит ресурсов, потребовавшихся для ведения почти непрерывной войны в 1917–1920 годы, явился предпосылкой для комплекса дискриминационных и патерналистских мер, составивших основу социальной политики Октября.

Ключевые слова: революция 1917 года, хозяйственная разруха, социальная политика, социальная структура

Подводя итог времени революции и гражданской войны (1917–1920 годы), один из современников событий вспоминал: «Государство

Статья подготовлена в рамках Программы ИОФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов», проект «Российский город в условиях революционных потрясений и трансформаций: 1917 – нач. 1920-х годов».

обеспечивает гражданина работой, государство кормит его, платит ему, государство обучает и формирует его, государство судит его, государство вознаграждает или наказывает его. Угнетатель, кормилец, защитник. Наблюдатель, учитель, инструктор. Судья, тюремщик, палач. Все, абсолютно все в одном лице, в лице государства» [Волин, 2005. С. 262]. Расширение функций в этот исторический период имело одним из следствий начавшуюся перестройку социальной структуры аграрно-индустриальной страны. И если советская наука посредством «сухого языка цифр» пыталась обосновать закономерность победы «пролетарской революции», а затем и «успехов социалистического строительства», то современные ученые большее внимание уделяют издержкам демографических процессов и подчас сомневаются в пролетарском происхождении Октября [Поляков, 1987; Жиромская, 1996; Rosenberg, 1997]. Так, А.Г. Вишневский отмечает, что за «время революции и гражданской войны города обнищали и оголодали, а часть горожан искала спасения у матери-деревни» [Вишневский, 1998. С. 86].

Мы рассматриваем приход к власти большевиков как закономерное событие, поскольку реализация их политической программы отвечала интересам подавляющей части общества — крестьянства (речь идет о знаменитом «Декрете о земле»). В отношении же городского населения они почти сразу стали проводить политику, основу которой составил классовый принцип. Опорой новой власти становились рабочие, беднейшее крестьянство и, с оговорками, мелкобуржуазные слои города и деревни. В идеологии и политической практике того времени, а затем и в советской историографии, они обозначались как «трудящиеся массы». Им противостоял немногочисленный «класс эксплуататоров», который обладал правом собственности на средства производства. Поэтому задача и масс трудящихся, и их политической партии заключалась в том, чтобы исправить это «несправедливое положение».

Социальную политику большевиков в годы революции и гражданской войны следует характеризовать как комплекс патерналистских и дискриминационных мер, имевших своей ближайшей целью — решающее перераспределение материальных и духовных ресурсов, а в перспективе — и возможность трансформации социальной структуры аграрно-индустриальной страны. Эта политика характеризовалась жесткой централизацией управления народным хозяйством, национализацией крупной, средней и частично мелкой промышленности, государственной хлебной монополией, запрещением частной торговли и свертыванием товарно-денежных отношений, уравнительностью в распределении продовольствия, натурализацией заработной платы и милитаризацией труда. Весь комплекс этих меропр-

ятий был проведен в период так называемого «военного коммунизма» (1918–1921 годы).

В настоящее время необходимо определиться с понятийным аппаратом, во-первых, с тем, что понимается под «рабочим классом», «полупролетариями», «мелкобуржуазными слоями города». После революции эти классы стали опорой советской власти, однако оценки современников событий, советской и «буржуазной» историографии расходятся в главном, то есть в понятийном аппарате. Во-вторых, в историографии практически не исследовался процесс социальной мобильности. Следовательно, нужно определиться и с тем, что могло лежать в основе новых социальных статусов и отношений, сформировавшихся в начале 1920-х годов. Кроме того, статья ставит своей задачей обобщить известную литературу по вопросу трансформации социальной структуры, как важного направления социальной политики, а также ввести в научный оборот новые источники.

Хронологические и территориальные границы исследования

Временные рамки исследования были обусловлены самим периодом революции и гражданской войны. Нижним хронологическим рубежом избран март 1917 года, когда на смену царской власти пришло Временное правительство. Конечный хронологический рубеж определяется началом 1921 года, когда завершились основные события гражданской войны, а советское государство, с введением НЭПа, получило возможность перейти к мирному строительству.

Территориальные рамки данного исследования очерчены границами губерний Центрального Промышленного района (ЦПР), в который в 1917 году входили 15 губерний¹. Города ЦПР были выбраны, исходя из следующих соображений: во-первых, они дают яркий пример состояния *старых русских городов* накануне Февральской революции. Во-вторых, города ЦПР продемонстрировали разнонаправленную и ярко выраженную динамику, по сравнению с другими районами государства: в до-революционный период – роста населения, а после революции – его убыли. В-третьих, следует сказать о преемственности власти в этом регионе, несмотря на коренную трансформацию политической надстройки. В-четвертых, ЦПР явился географическим и историческим центром России.

¹ Московская, Владимирская, Нижегородская, Костромская, Ярославская, Тверская, Калужская, Смоленская, Тульская, Рязанская, Орловская, Тамбовская, Пензенская, Вологодская, Архангельская губернии.

Сдвиги в демографической структуре населения ЦПР в 1917–1920 годы

Для решения исследовательских задач нам потребовались данные о численности и структуре населения России накануне мировой войны и революции. Значительная работа по выяснению этих параметров была проведена еще в 1930-е годы ЦСУ СССР и Комиссией Госплана по контрольным цифрам. Следует считать установленным, что на 1 января 1914 года в стране (в военных границах 1917 года) проживало 139,3 млн человек, из которых в городах – 24,8 млн (17,7 %), а в сельской местности – 114,5 млн (82,3 %). Проведенные в 1916–1917 годы сельскохозяйственные, городские переписи позволили вычислить и численность населения на начало 1917 года: 143,5 млн человек. Из них в городах проживало 25,8 млн (18 %), а 117,7 млн (82 %) – в сельской местности [Страна Советов, 1967. С. 15].

По данным созданной в 1920 году Комиссии по обследованию санитарных последствий мировой и гражданской войн, с 1918 по 1920 годы по России в целом и по отдельным губерниям наблюдался отрицательный прирост населения. Комиссия признала, что «особенно жестоко, по-видимому, пострадали города» [Труды Комиссии, 1923. С. 117–119]. Значительную убыль населения зафиксировала и Всенародная перепись 28 августа 1920 года [Труды ЦСУ, 1920. С. 10–12]. Данные о населении за 1918 и 1919 годы были исчислены В.П. Даниловым методом распределения потерь [Данилов, 1970. С. 245].

Таблица 1

Динамика населения России за 1917–1920 годы (млн человек)

	<i>Все население</i>	<i>Городское</i>	<i>Сельское</i>
На 1 января 1917	143,5	25,8	117,7
На 1 января 1918	[142,6]	–	–
На 1 января 1919	[140,3]	–	–
На 1 января 1920	[138,0]	–	–
На 28 августа 1920	136,8	20,9	115,9

Таким образом, за время с 1917 по 1920 годы все население России уменьшилось на 4,7 %, убыль городского населения составила 19 %. Рассмотрим динамику городского населения Европейской части России за период 1897–1920 годов, воспользовавшись материалами Первой всеобщей переписи населения 1897 года, городских переписей 1917 года и переписи 1920 года (таблицы составлены по населенным пунктам, являвшимся городами в 1897 году).

Таблица 2
 Население городов Европейской части России в 1897–1920 годы [Бюллетень ЦСУ. 1923. № 77. С. 10–18]

Группы городов	Население						
	Число городов	В тыс. чел.			В % отношении к 1897		
	1897	1917	1920	1897	1917	1920	
Столицы (Петроград и Москва)	2	2 303,9	4 001,3	1 674,5	100	173,7	72,7
Города потребляющей полосы	194	1 854,9	2 669,0	2 030,3	100	143,9	109,5
Города производящей полосы	162	2 570,9	3 875,3	3 315,4	100	150,8	129
Всего	358	6 729,7	10 546,6	7 020,2	100	156,7	104,3

Таблица 3
 Изменение числа горожан в 1917–1920 годы по группам городов [Бюллетень ЦСУ. 1923. № 77. С. 10–18]

	Количество горожан в 1917 году, тыс. человек	Число городов		Все население по годам		Убыль населения, в %	
		1917	1920	1917	1920	1917	1920
Потребляющий район (без учета столиц)	Более 50 тыс. чел.	13	1 066 807	754 243	–29,3		
	От 10 до 50 тыс. чел.	40	801 722	599 307	–25,3		
	Менее 10 тыс. чел.	114	533 999	473 680	–11,3		
	Всего	167	2 402 528	1 827 230	–24		
Производящий район	Более 50 тыс. чел.	15	1 762 728	1 431 906	–18,8		
	От 10 до 50 тыс. чел.	50	1 023 381	923 661	–9,8		
	Менее 10 тыс. чел.	63	325 199	306 309	–5,8		
	Всего	128	3 111 308	2 661 876	–14,4		

Как видно, в дореволюционный период наблюдался рост городов, а затем произошло резкое уменьшение числа жителей. Кризис, пережитый населением столиц в 1918–1920 годы, общеизвестен. Но и другие города пострадали, хотя и в меньшей степени, причем в производящей полосе они перенесли критический период лучше, чем в потребляющей полосе.

В рассматриваемое время города потеряли 3,5 млн жителей, из которых около 2/3 падало на столицы. Города промышленной полосы потеряли 24 %, а земледельческой – 14,4 % своего населения.

Таким образом, прослеживается четкая тенденция уменьшения числа жителей в зависимости от размеров города. В крупных и средних городах процесс отличался большей динамикой, по сравнению с мелкими населенными пунктами. Причины уменьшения численности горожан можно разделить на две группы: *демографические* (превышение уровня смертности над уровнем рождаемости) и *ситуационные*, вызванные условиями гражданской войны и разрухой (миграция части населения за границу, из города в деревню; репатриация беженцев). Определить значение каждого из этих факторов можно только условно: примерно 2/5 убыли городского населения следует отнести на счет высокой смертности и низкой рождаемости, в то время как 3/5 убыли вызывались другими обстоятельствами.

Изучая изменения в численности населения городов, мы рассматриваем отдельно города потребляющей и производящей полосы ввиду важности для революционной эпохи продовольственного вопроса. Наряду с этим отметим, что в дореволюционное время рост городов потребляющей и производящей полосы был почти одинаков. Кроме того, подразделив производящую и потребляющую полосы на более мелкие районы, можно увидеть, что в обеих полосах были территории как быстро, так и медленно растущего городского населения.

Города ЦПР демонстрировали разнонаправленную и ярко выраженную динамику, по сравнению с другими районами: в дореволюционный период – роста населения, а после революции – его убыли. По данным анкетных обследований 1917 года, проведенных Отделом заготовок Министерства продовольствия, и переписи 1920 года можно проследить динамику населения губернских центров.

К концу гражданской войны в Москве на 1 000 мужчин приходилось 1 235 женщин, в Нижнем Новгороде – 1 133, в Курске – 1 237, в Тамбове – 1 202, в Твери – 1 189, в Костроме – 1 317 [Бюллетень ЦСУ, 1920, № 33. С. 2]. Кроме того, в структуре населения увеличилась доля младших и старших возрастов. Рост женского и детского населения, в свою очередь, повлиял и на социальную структуру, привнося в нее мелкобуржуазный менталитет и соответствующий характер занятий [Фицпатрик, 1989. С. 8].

Таблица 4

Рост или убыль населения городов по сравнению с предыдущей переписью (в %) [Бюллетень ЦСУ. 1923. № 77. С. 10–18]

<i>Районы</i>	<i>Годы</i>	
	<i>1917</i>	<i>1920</i>
<i>Потребляющая полоса</i>		
ЦПР	+74,7	-28,1
Северные и Приозерные губернии	+65,5	-19,3
Западные губернии	+41,9	-18,6
<i>Производящая полоса</i>		
Центральный Черноземный район	+43,1	-17,1
Поволжье и Приуралье	+86,8	-12

Таблица 5

Динамика населения городов Московской Промышленной области за 1917–1920 годы [Статистический Ежегодник, 1921. С. 24–33]

<i>Города</i>	<i>Число жителей</i>		<i>Убыль населения, в %</i>
	<i>на 1 января 1917</i>	<i>на 28 августа 1920</i>	
Москва	1 854 426	1 028 218	44,5
Нижний Новгород	126 813	87 707	30,8
Пенза	96 090	85 070	11,5
Ярославль	128 255	72 849	43,2
Тамбов	76 434	66 987	12,4
Тверь	101 132	65 415	35,3
Орел	90 058	64 015	28,9
Смоленск	72 559	56 826	21,7
Кострома	64 644	49 860	22,9
Рязань	47 829	41 454	13,3
Тула	179 000*	129 447	27,7
Калуга	74 000*	40 675	45,1
Владимир	42 000*	23 427	45,2
Средний процент убыли населения			29,4

* Приблизительные данные (с пригородами).

Сокращение рождаемости и увеличение смертности спровоцировали демографический кризис. Средний процент убыли городского населения за 1917–1920 годы по губернским городам ЦПР окажется выше общероссийских показателей. Главнейшими причинами этого процесса явились не только повышенная смертность и сокращение рождаемости, но и миграции населения.

Отмечая весьма значительную убыль городского населения ЦПР, однако, следует обратить внимание на тех людей, которые, несмотря ни на что, продолжали жить в городах. Они стали реальной опорой власти и были готовы поддержать ее, в том числе, с оружием в руках. Кроме того, это были и люди, относившиеся к власти, в худшем случае, пассивно. В таких благоприятных условиях большевики смогли проводить социальную политику, направленную на «улучшение условий труда и быта трудящихся», на реальное выравнивание уровня жизни всех социальных категорий.

Дискуссия о «пролетариате» и «мелкой буржуазии»

Вслед за определением численности населения для исследователей на первый план выходила разработка проблем трансформации социальной структуры «города»¹. В этой связи в отечественной науке назывались явно завышенные данные о количестве городских рабочих. Это происходило как за счет включения в их состав средних слоев, так и путем социологического разделения всего общества на две антагонистические группы: «класс эксплуататоров» и «эксплуатируемые массы». Например, Большая советская энциклопедия понимала под «пролетариатом» один из двух основных классов буржуазного общества; класс лишенных собственности на орудия и средства производства наемных рабочих, единственным источником существования которых являлась продажа ими своей рабочей силы «капиталистам» – второму основному классу буржуазного общества, как раз и обладавшим правом собственности на средства производства [БСЭ].

В основу таких подсчетов закладывалось обладание средствами производства или, другими словами, экономическая власть. В этом понимании предложенная классификация вполне приемлема, за исключением терминологического аппарата. Например, понятие «полупролетариат» следует заменить «мелкобуржуазными слоями города и деревни». Также спорной является экстраполяция понятия «промышленный пролетариат» на рабочий класс в целом. Вопросы внутриклассовой дифференциации рабочих во многом остались остро дискуссионными.

¹ Город рассматривался современниками событий и учеными в качестве опорного пункта власти в борьбе против контрреволюции.

Таблица 6

Экспертная оценка В.М. Селунской классового состава населения
 Российской империи (с учетом населения Прибалтики, Финляндии,
 Польши, Бессарабии) в 1913 году [Селунская, 1977. С. 49]

<i>Классы</i>	<i>Абсолютная численность (в млн человек)</i>	<i>В % отношении ко всему населению</i>
Крупная буржуазия, помещики, высшие чиновники	4,1	2,5
Зажиточные мелкие хозяева	31,5	19
Итого «эксплуататорские классы»	35,6	21,5
Беднейшие мелкие хозяева	42,0	25,3
Полупролетарии	55,6	33,6
Пролетарии	32,5	19,6
Итого «трудящиеся классы»	130,1	78,5

Исследователи определили ряд признаков, которые характеризовали положение «пролетария»: профессия, квалификация труда, потомственность происхождения, степень ассимиляции в городскую культуру, уровень сознательности. Описательная характеристика «Рабочего» связывалась с процессами перестройки социальной структуры, ее неустойчивостью, условиями экстремального времени. Например, «костяком» рабочего класса в 1917–1920 годы считались металлисты, обладавшими самым высоким уровнем революционной сознательности и квалификации труда. Далее по степени «сознательности» следовали печатники, горнорабочие, железнодорожники, текстильщики, пищевики. Однако если понимать сознательность как высшую степень осознания необходимости исполнения своих трудовых обязанностей, то металлисты окажутся далеко не на первых ролях.

Приведем пример. В сентябре-декабре 1919 года Наркомат труда проводил выборочное обследование фабрично-заводских предприятий ряда губерний на предмет качества работы и прогулов. Выяснилось, что в среднем количество прогулов составило 5 дней в месяц, а наименьшее их число выпало на долю пищевой промышленности. В то время как металлисты Москвы прогуливали, в среднем, 9,5 дней в месяц; металлисты Твери – 8,4; металлисты Тулы – 5,9 [Бюллетень ЦСУ, 1920, № 25. С. 1]. Прогулы металлистов были связаны с тем, что их труд оказался временно не востребованным. Они были вынуждены сменить род деятельности или покинуть город. По подсчетам С.Г. Струмилина, за 1918–1919 годы из города в деревню стихийно переселилось около миллиона рабочих

[Цит по: Селунская, 1987. С. 70]. На биржах труда почти повсеместно были зарегистрированы недавние выходцы из городской мелкой буржуазии и крестьянства, отходники, сельскохозяйственные рабочие. В промышленных губерниях переселенческое движение затронуло до трети рабочих. В одном из центров текстильной промышленности, во Владимире, к концу гражданской войны на заводах осталась только 1/5 часть всех рабочих [Бюллетень ЦСУ, 1920, № 30. С. 2]. Переселение рабочих в деревню оценивалось как положительное явление (в смысле распространения идей революции), не только в советской, но и в англо-американской историографии. Ученые заметили, что «новые переселенцы» оказались на положении «бедных родственников» [Фицпатрик, 2001. С. 19]. Не получив надела, в годы гражданской войны они пополнили ряды деревенской бедноты, а с введением НЭПа переселенцы поспешат вернуться в город.

Повторная обработка материалов Всероссийской промышленной и профессиональной переписи 1918 года, проведенная в 1970–1974 годах В.З. Дробижевым и А.К. Соколовым, показала, что наибольшую склонность к оставлению города имели рабочие младших (до 20 лет) и старших (старше 50 лет) возрастов. Однако молодые люди в возрасте 20–40 лет проявили наибольшее стремление к получению новых знаний, расширению своих профессиональных навыков. Иными словами, среднее поколение оказалось самым гибким к вызовам переломной эпохи [Грамотность в России, 1922. С. 20]. В Москве перепись 1918 года зафиксировала 917 098 человек «работающего населения», из которых только 155 032 человек было занято на промышленных предприятиях. Всего на обследованных 10 114 предприятиях Европейской России было занято 1 252 468 промышленных рабочих [Предварительная сводка, 1918. С. 6]. Примерно столько же промышленных рабочих не были учтены ввиду начавшейся гражданской войны. Данные ЦСУ сопоставимы с данными фабричной инспекции за 1917 год, насчитавшей 2 млн промышленных рабочих.

В связи с этим мы считаем устойчивость сферы применения профессиональных навыков и, в частности, постоянную занятость на промышленных предприятиях, надежным признаком для отнесения индивида к рабочему классу. Марксистская методология считала 10-летний рабочий стаж достаточным основанием для признания такой устойчивой принадлежности. На начало 1917 года примерно 25 % российских рабочих имели соответствующий производственный стаж [Изменения социальной структуры, 1976. С. 134]. Если принять даже оценку общей численности пролетариата В.М. Селунской (около 30 млн человек), то она должна быть понижена в 4–6 раз, не говоря уже о том, что в советской литературе по этому вопросу устоялась другая цифра (20 млн человек) [Гапоненко, 1970. С. 72].

Редактор журнала «Современник» меньшевик Н.Н. Суханов, проанализировав данные дореволюционной земской статистики, пришел к выводу о том, что накануне революции основную массу российского пролетариата составил переходный класс «вчерашних крестьян», сохранивших семейные, родственные, поселенческие связи с деревней. Позднее этот вывод был прочно усвоен западной наукой – Д. Кёнкер, В. Розенбергом, Р. Суни, М. Левиним, Д. Орловским [Некрасов, 2001]. Этот «переходный класс» условно можно разделить на четыре группы. Первая – это рабочие, которые полностью утратили связь с деревней (1–1,5 млн человек). Вторая группа – рабочие, сохранившие родственные связи с деревней. Третья группа – это рабочие-отходники. Четвертая группа – рабочие, которые выполняли часть работ сельскохозяйственного цикла и с этой целью на время покидали город. Численность рабочих последних трех групп колебалась в пределах 8,5–9 млн человек [Суханов, 1913. С. 320–322]; сходные данные приводились и С.Г. Струмилиным.

На наш взгляд, совсем не удивительно то, что в советской науке говорилось о 20 млн рабочих. Фактически, ассоциируя и называя почти всех горожан «пролетариатом» (См. табл. 1), ученые исходили, прежде всего, из социокультурного противостояния индустриального и традиционного укладов жизни, особенно обострившегося в 1914–1920 годы. Произошла известная подмена понятий, когда значительная часть горожан, относившихся к власти лояльно или попросту нейтрально, автоматически была отнесена к отряду промышленных рабочих. Конечно, в тот исторический момент они не являлись пролетариатом в современном понимании, однако они стали им в 1930-е годы в условиях форсированной индустриализации. В этом смысле объектом социальной политики большевиков в годы гражданской войны действительно были «народные массы».

На общих собраниях рабочих в 1917–1918 годы активно употреблялось и такое понятие, как «чистые рабочие», синонимичное марксистскому определению «пролетариат». Характерной является резолюция рабочих и служащих Миусского трамвайного парка Москвы по вопросу безработицы (30 ноября 1917 года). В этом документе городские железнодорожники четко определили круг лиц, которых они считали независимыми от поденной платы: крестьян-отходников, замужних работниц, лавочников, ремесленников и домовладельцев [ЦАГМ. Ф. 2713. Оп. 1. Д. 66. Л. 16].

В протоколах заседаний, переписке фабрично-заводских комитетов встречаются указания на связь между введением в 1917 году 8-часового рабочего дня и минимальной зарплатой. С их введением гарантировалось равное количество работы за равную оплату всем рабочим. В этом усматривается наследие общинной морали: понижение производительности труда и сокращение рабочего времени в явочном порядке стали

защитной реакцией на рост безработицы. По мнению рабочих, было бы преступлением, если кто-нибудь из них стал «больше есть». Московские металлисты предупреждали, что «настанет время, когда мы будем считать изменником каждого, кто сдает выше нормы, так как он увеличенной сдачей срывает сделные расценки» [ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 93. Л. 62]. Частным проявлением общинной психологии было требование об удалении с предприятий «чужих»: военнопленных, законтрактованных иностранцев, выходцев из мелкой буржуазии.

Революция смела прежнюю форму организации экономической власти. На место капиталистических собственников были поставлены трудящиеся массы. Социальная структура послереволюционного города внешне стала выглядеть как бы «перевернутой», по сравнению с до-революционной иерархией. На верхнюю ступень социальной лестницы ставился «пролетариат», к которому относились рабочие и, с оговорками, «трудящиеся классы»: советские служащие, «массовый отряд интеллигенции», средние городские слои (примерно 3/4 городского населения). Остальная его часть путем экспроприаций имущества, совокупности дискриминационных мер по своему статусному положению сближалась с «новым большинством», что явилось закономерным итогом всеобщего перераспределения ресурсов и средств.

Проблемы трансформации сословного общества

С победой Октябрьской революции на повестку дня стала ликвидация экономических основ социального неравенства. Объектом дискриминационных мер со стороны государства стала, в частности, и городская буржуазия, которая лишалась прав собственности на крупные и средние торгово-промышленные предприятия, банки, домовладения. Для разгрома московской буржуазии (самой влиятельной и богатой социальной группы в России) потребовалось прямое действие. Осенью 1918 года НКВД разослал «буржуазно-паразитическим элементам» 4 719 повесток с требованиями выселения из Москвы. В итоге эта мера затронула 3 197 семей [Вестник Отдела местного управления. 1920. № 5. С. 13]. Если учесть, что среднее количество членов семьи было 5 человек, что выселение затронуло родственников по прямой линии, то следует утверждать, что на улице оказалось, как минимум, 20 тыс. человек. Другая паразитическая прослойка городского населения (рантье) практически полностью прекратила свое существование. В период с 1912 по 1920 годы она сократилась в 11 раз. Изъятые у «бывших» имущество и средства стали материальной основой государственного патернализма, который предложил реальное социальное обеспечение, бесплатное образование и здравоохранение, улучшение жилищных условий и другие блага наиболее нуждавшимся слоям населения.

О сложностях приспособления «бывших господ» к новым условиям существования можно судить на примере жизни и деятельности крупного отечественного историка С.Б. Веселовского. В структурном плане в годы революции и гражданской войны интеллигенция не представляла собой большинства общества (около 2,5 % по отношению ко всему населению). Степан Борисович Веселовский (1876–1952) принадлежал к числу самых значительных русских ученых, автор классических трудов по истории средневековой Руси. В первые годы советской власти профессор Веселовский продолжал работать в Московском университете, одновременно являясь членом Коллегии Центрархива. Кроме научных заслуг, в его багаже было дворянское происхождение и дореволюционная зажиточность.

Как либерал, он не принял революцию и насильственное установление диктатуры пролетариата, с одной стороны. С другой стороны, новый, еще незрелый общественный строй, ведущий борьбу с грабежами, дикой разрухой на первом этапе своего существования не нуждался в ученых, в прямом смысле он «позабыл» про них. Поэтому научным сотрудникам приходилось терпеть невероятную нужду и лишения. Для ученого было крайне сложным «переродиться» и войти в обновленный мир. Это тяжелейшее раздвоение, ведь перед ним альтернатива: или «остаться в прежней среде, но оставить всякую мысль о научной работе», или «направить все свои силы и образование на материальное обеспечение» [Веселовский, 2000. № 8. С. 98]. Вся надежда осталась на побочные и случайные заработки. Наш автор вынужден читать лекции по пчеловодству, оставлять научный поиск для того, чтобы помочь родным в уборке картофеля.

Чтобы купить необходимые продукты, историк станет продавать свои вещи: шкаф-классификатор для архивных документов, рукописи, книги, занавески, столовый сервиз [Веселовский, 2000. № 6. С. 103–105]. Также ему пришлось осваивать азы спекуляции хлебом и медом [Переписка, 1998. С. 462, 464]. Дачный огород, сад и пчельник – во многом то, что помогло выжить. Здесь он готовил парники, добывал первобытным способом муку, изучал устройство русской печи и т. п. «Города и столицы совсем скоро будут островами недоступными извне. Ведь дело дойдет и до крыс. И это в XX в.! Насколько живуча умирающая страна или, вернее, насколько приспособляем, гражданин 1/6 части Вселенной» [Переписка, 1998. С. 461]!

Типичная реакция интеллигента на то, что городская среда оказалась инфицированной культурой бедняцко-средняцкой деревни, созвучна поиску ответа на вопрос: «Кто виноват»? Для нашего автора ответ очевиден: революционный деспотизм привел к тому, что у власти оказались «отбросы рабочего класса», а внизу средневековое по своему уровню развития крестьянство. Между ними – «задушенные обломки

бывших командующих классов», в которых сосредоточилась «вся русская бедная культура». Полнейшее неприятие советской власти сохранялось у С.Б. Веселовского вплоть до конца 1920 года, когда его семье впервые был выделен академический паек. Относительная стабильность, отныне вошедшая в его жизнь, снова дала возможность вернуться к научной работе. Только, в отличие от дореволюционного времени, эта стабильность стала поддерживаться советской государственной машиной, а не результатами труда крестьян помещика Веселовского.

Самым многочисленным слоем городского населения накануне революции 1917 года оставалась мелкая буржуазия (ремесленники, мещане, массовые профессии интеллигенции, часть домовладельцев, служащие предприятий и учреждений и т. д.). Общая их численность составила порядка 4,5 млн человек. А вместе с членами семей в структуре городского населения они заняли первое место (37 %) [Изменения социальной структуры, 1976. С. 250]. Однако революция (а точнее принесенные вместе с ней: сокращение материальных ресурсов, расширение государственного сектора экономики, свертывание товарооборота, натурализация обмена) положила конец росту численности средних городских слоев — тенденции развития, характерной для аграрной страны. В исторической перспективе нельзя не отметить позитивность подобных перемен: мелкая буржуазия превращалась в необходимый для индустриализации страны резерв рабочей силы.

Однако в условиях гражданской войны этот кадровый резерв остался невостребованным. Наряду с пополнением рабочего класса, за счет средних городских слоев росла численность маргиналов и бюрократии. Специфику труда мелкого чиновника удалось точно выразить М.Н. Соколовскому, возглавлявшему в декабре 1918 года один из подотделов Хамовнического райсовета Москвы: «...отношение к возложенным обязанностям может быть двояким. Или казенное просиживание за просмотром дел 6—7 часов, своего рода создание фикции труда с целью удержать за собой место и содержание, или разумно-целевое, с долей интереса, с отчетливым, заметным для себя и общества ежедневным итогом... Иначе из всех этих суетливых хождений, совещаний, завтрашних “окончательных” решений вытекает лишь подозрение: не напрашиваешься ли ты своим частым напоминанием о себе на звание «советского карьериста»? [ЦАГМ. Ф. 1514. Оп. 1. Д. 32. Л. 363]. Вчерашняя гимназистка Мария Бухарева, работавшая в это же время в канцелярии Наркомата здравоохранения, в письме к подруге написала: «...я в своем комиссариате прямо не знаю, что делать. Работаю мало, в день проходит несколько несчастных бумажек, сидишь, как дура, к тому же холодно, дует, ни души, отвратительно» [ЦМАЛС. Ф. 68. Оп. 2. Д. 68. Л. 6]. Разбухание штатов советских учреждений способствовало росту настроений социального иждивенчества, когда люди приходили на работу только за тем, чтобы получить продо-

вольственный паек или зарплату. Советская служащая Евгения Петрова на работе «только и жила мыслью, что вот-вот тебе принесут твой желанный паек хлеба» [ОПИ ГИМ. Ф. 454. Оп. 3. Д. 51. Л. 54].

Наиболее устойчивыми группами мелкой буржуазии оказался «реальный сектор» (кустари, ремесленники) и сфера услуг (парикмахеры, ремонт обуви, извозчики). В советской историографии признавалось, что «потеряв область торговли продуктами питания, мелкобуржуазные группы оказались в наиболее тяжелом продовольственном положении (если не считать капиталистических элементов, имевших возможность опереться с помощью своих сбережений на «черный рынок»), так как государство отдавало предпочтение в снабжении рабочим и государственным служащим» [Изменения социальной структуры, 1976. С. 260].

Угроза голодной смерти подстегивала мелкобуржуазный элемент к постоянному поиску все новых и новых сфер для применения своих сил и способностей. В этом смысле стоит признать его самой активной частью послереволюционного общества. Однако бесконтрольность действий, господство мотивов личного выживания постепенно превращали средние городские слои в источник социальной напряженности.

Выводы

Объективными предпосылками для перехода к политике «военного коммунизма» были: нарастание темпов падения промышленного производства и вызванная этим неспособность города предложить что-либо деревне в обмен на сельскохозяйственную продукцию; развал финансовой системы; начало гражданской войны. Наряду с объективными факторами, существовали и субъективные предпосылки. Они связаны в первую очередь с надеждами на скорую победу мировой революции, и стремлением с помощью чрезвычайных мер сосредоточить максимум материальных ресурсов для того, чтобы выдержать «капиталистическую осаду». Чрезвычайные меры, продиктованные условиями военного времени, были восприняты не только большевиками, но и населением как начало «отмирания капитализма» и вызревание социально-экономических условий для рывка страны в социализм. Выполнение этой задачи стало возможным посредством решения социальных вопросов (продовольственного, жилищного и других), обеспечения нетрудоспособных категорий населения, страхования рабочих и служащих, «повышения культурного уровня». Проблема трансформации социальной структуры в этот исторический момент носила соподчиненный характер, хотя это и не означает, что она не могла решаться явочным, революционным порядком, например, «красным террором», а точнее — комплексом политических решений, направленных против классовых и идейных противников власти.

В силу целого ряда факторов перестройка социальной структуры как перспективной цели социальной политики в 1917–1920 годы протекала крайне сложно и неоднозначно. Несмотря на формальное упразднение сословий, прежний социальный статус накладывал свой отпечаток на образ жизни человека, с одной стороны. С другой стороны, если классовая политика власти позволяет увидеть две антагонистические группы, то внутри этих групп она наоборот способствовала «размыванию границ». Сами современники революции и гражданской войны понимали неустойчивость новых (классовых) и старых (сословных) социальных отношений. В начале 1920-х годов в повседневной лексике активно использовались понятия «буржуй» и «пролетарий», которые связывались не с происхождением индивида, а с его настоящим материальным положением. В годы гражданской войны: «буржуй» – тот, кто не имел особых затруднений в удовлетворении своих потребностей, а «пролетарий» – тот, кому было «нечего терять».

Более детальную группировку социальной структуры города дать весьма затруднительно, ввиду как плохого состояния источниковой базы, так и незавершенности социальных процессов. Конкретные проявления социальных статусов не поддаются никакой формализации, что вынуждает пользоваться словесным описанием сложившихся социальных отношений. Вопрос о социальной структуре российского общества, таким образом, автоматически перерастает в проблему самоидентификации составляющих его людей. Если попытаться составить портрет «среднего горожанина» в 1917–1920 годы, то, по преимуществу, мы увидим молодых людей, которые, как правило, обладали начальной грамотностью и были готовы к постоянной перемене сферы деятельности, социального окружения, местожительства. И класс «эксплуататоров», и класс «эксплуатируемых» оказались подвержены условиям экстремального времени, поэтому говорить о четкости и упорядоченности социальной структуры вряд ли возможно.

Около половины населения городов Центрального Промышленного района накануне Октябрьской революции оставались выходцами из вчерашних крестьян, которые пришли туда в поиске заработка. В периоды повышенного спроса на рабочие руки они находили применение своим силам и способностям, однако в периоды спада производства, какovým стало время 1917–1920 годов, они вновь могли вернуться в деревню. Самым главной причиной этого явления, по нашему мнению, было то, что в первой четверти XX века Россия оставалась *аграрно-индустриальной страной, в которой благополучие города напрямую зависело от самочувствия деревни.*

Анализ социальной структуры городского населения в годы революции и гражданской войны позволил сделать следующие выводы: во-первых, при изучении этих проблем необходимо постоянно помнить

о незавершенности процессов модернизации и урбанизации. Во-вторых, пореволюционный город по своему составу был мещанско-крестьянским, это накладывало свой отпечаток на место городов в экономической жизни страны, а также на образ жизни людей. В-третьих, методологически важным является вывод об углублении социокультурного противостояния города и деревни, что являлось ярким свидетельством дисгармонии, дисбаланса внутри общества.

Список сокращений

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея

ЦАГМ – Центральный архив г. Москвы

ЦГАМО – Центральный Государственный архив Московской области

ЦМАЛС – Центральный музей-архив личных собраний.

Список литературы

БСЭ – Большая советская энциклопедия. Доступно по адресу: <http://slovari.yandex.ru/>.

Бюллетень ЦСУ, журнал Центрального Статистического Управления РСФСР. 1920. № 25. С. 1; № 30. С. 2; № 33. С. 2; 1923. № 77. С. 10–18.

Веселовский С. Б. Дневники 1915–1923, 1944 гг. / Подготов. А. Г. Макаров, А. Л. Юрганов // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 93–112; № 8. С. 86–110.

Вестник Отдела местного управления. Журнал НКВД РСФСР. 1920. № 5. С. 13.

Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.

Волин В. М. Неизвестная революция. 1917–1920 гг. М.: Праксис, 2005.

Гапоненко Л. С. Рабочий класс России в 1917 г. М.: Наука, 1970.

Данилов В. П. Динамика населения СССР за 1917–1929 гг. // Археографический ежегодник за 1968 г. М.: Наука, 1970. С. 242–254.

Грамотность в России. М.: Типография ЦСУ, 1922.

Жиромская В. Б. После революционных бурь: население России в первой половине 20-х гг. М.: Наука, 1996.

Изменения социальной структуры советского общества (Окт. 1917–1920 гг.) / Под ред. В. М. Селунской. М.: Наука, 1976.

Некрасов А. А. Становление и этапы развития англо-американской советологии: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / ЯрГУ. Ярославль, 2001.

Переписка С. Б. Веселовского с отечественными историками / Под ред. С. А. Леввиной, Б. В. Левшина. М.: Древлехранилище, 1998.

Поляков Ю. А. Население советской страны после окончания гражданской войны и иностранной военной интервенции. М.: Наука, 1987.

Предварительная сводка данных Всероссийской промышленной и профессиональной переписи 1918 г. М.: Типография ЦСУ, 1918.

Селунская В. М. Методологические вопросы исторического исследования социальной структуры советского общества. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.

Селунская В. М. Социальная структура советского общества. М.: Политиздат, 1987.

Статистический Ежегодник РСФСР за 1918–1920 гг. М.: Типография ЦСУ, 1921. Вып. 1.

Страна Советов за 50 лет. М.: Статистика, 1967.

Суханов Н. Н. К характеристике российского пролетариата // *Современник*. 1913. № 4. С. 320–328.

Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. М.: Типография Госзнака, 1923. Вып. 1.

Труды ЦСУ. Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. М.: Типография ЦСУ, 1920. Т. 1. Вып. 1.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история России в 30-е годы: Город. М.: РОССПЭН, 2001.

Rosenberg W. G. Problems of social welfare and everyday life // *Critical Companion to the Russian Revolution. 1914–1921.* Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 633–644.

Алексей Николаевич Фёдоров
аспирант Института российской истории РАН (Москва)
электронная почта: ale15226656@yandex.ru
